

*Мы жили в двухэтажках,
И было мне лет пять,
Пустынную дорогу
Решил перебежать...
Откуда появился
Тогда военный джип?
Водитель белобрысый
Меня машиной сшиб.
Упал я вдоль дороги
На мягкий тот песок,
Сорвало с ягоицы
Машиной кожи клоч.
Тут джип остановился,
Вскочил я сгоряча —
Из пузыря от страха
Лилась моя моча.
Бежал я быстро к дому
И на ходу рыдал,
Песок тот придорожный
Мочою поливал.*

*«То кровь бежит с мальчишки?» —
Водитель вдруг спросил.
«Со страху обмочился», —
Ответил пассажир.
И, фыркнув едким дымом,
Песка поднявши пыль,
Умчался торопливо
Бандит-автомобиль.
Народ всё наш, советский,
В домах жил МПС,
Был рядом садик детский —
То был тогда прогресс!
Ходил я в этот садик,
И было мне лет семь,
Ходить туда не нравилось:
Днём спать не мог совсем...
Днём, чёрным занавесив
Все окна в группе той,
Всех спать там заставляли,
Но я-то — не «простой»!
Как я уже отметил,
Родился я «не так»
И кучу развлечений
Выдумывать мастак.
Лежу я на матраце,
Смотрю на потолок,
На нём, как на экране,
«Кино» я видеть мог.
То камера-обскура
Работала тогда,
О ней известно стало,
Когда прошли года...
(Луч света, преломлясь
Сквозь дырочку в окне,
Давал изображение
В той группе не стене.
Тогда я просто видел:
Вот человек идёт,*

Да только вверх ногами —
Тут всё наоборот.)
Легли после обеда,
Обед наш был хорош;
Мы с Колей Еремеевым
Попались «ни за грош»:
Просили Марь Степанну
В злосчастный тот обед
Добавить после супа
Нам порцию котлет.
Она нам отвечала,
Что даст нам по второй,
Но надо супа скушать
По порции другой.
А в супе сала плавали
Огромные куски,
У Коли Еремеева
Ходили желваки.
Я порцию противную
С натугой одолел,
А Коля вдруг не выдержал
И в «ригу полетел».
Но Марь Степанна — изверг —
Стояла над душой
И Колю заставляла:
«Ешь ложкою большой!»
Покрывшись липким потом
И побледнев, как мел,
Наш Коля массы рвотные
Из чашки снова ел.
Так продолжалось долго:
Желудок массы рвотные
Исправно выделял,
А Коленька несчастный
Их снова поедал.
А я желудка спазмы
С трудом преодолел,
Но больше того сала
Вовеки уж не ел.

Через дыру в заборе
Из «сада» убежал,
Чтоб никогда не видеть
Зубов её оскал.
И вскоре у вокзала
На рельсах я сидел,
Уехать к бабе Нюсе
В Морозовку хотел.
Соседский сын Володя
Меня там подобрал,
Домой оставил к маме —
Я всё ей рассказал.
Литовец дядь Володя
Всё Вильнюс нам хвалил,
А сын их Игорёчек
Отца нещадно бил.
Когда же он скрывался
В квартире от сынка,
То стёкла разлетались
В окне от кулака.
А пьяный Игорёчек
Всё продолжал вопить,
Калитку загородки
Пытаясь сокрушить.
Потом всё тётя Шура
С землицы убрала
И части от калитки
Обратно принесла.
«Сынок — ребёнок нервный», —
Она сказала нам.
А Игорь пил безмерно,
Как нужно алкашам.
К сараю Игорёчка
Тянулась ребятня,
Там приучались к водке —
Тянули и меня.
И вскоре обучился
Я табачок курить,

С ватагой ребяташек
Уж на базар ходить...
Там кто-то отвлекает
Внимание старух,
Другие же хватают
С прилавка что-то вдруг.
Но ничего чужого
На рынке я не брал,
Стоял себе в сторонке,
За кражей наблюдал.
Меня поймал за шиворот
Простой милиционер,
Доставил в отделение,
Другим чтоб дать пример.
Начальству он докладывал:
«Привёл мальчишку вот».
Но офицер ответил:
«У них есть „коновод“».
Меня домой отправили,
Где ждала вся родня,
За «подвиги» такие
Я получил ремня.
Ремнём отец нещадно
По заднице лупил,
Чтоб больше с Игорёчком
На рынок не ходил.
Потом я на коленях
В углу стоял всю ночь,
Хотя ходить с ватагой
Я был совсем не прочь.
Соседка тётя Шура
Шипела, как змея:
Не зря в петлю полезла
Вдруг мамочка моя...
За то, что в оккупации
Пришлось нам пережить,
Соседка маму стала
Безжалостно «травить».

В стене у нас на кухне
Торчал железный крюк,
Тут мама и решила
Расстаться с жизнью вдруг.
Стянула шею туго
Проклятая петля,
В петле той задышалась
Мамулечка моя...
Но кто-то папе крикнул:
«Спасай жену теперь!»
Отец в порыве диком
Сломал входную дверь.
Бесчувственную маму
Он из петли достал,
А я с соседом Женькой
Как раз в яру гулял.
Вдруг кто-то из мальчишек
От дома к нам бежит,
Руками дико машет
И на ходу кричит:
«Беги скорее, Женька,
Ох, будешь ты рыдать,
Ведь у тебя повесилась
Твоя родная мать!»
Но нас-то, Женек, двое,
Я не могу понять:
Кому теперь на свете
Без мамы доживать?
Мальчишка к нам приблизился,
В меня он вперил взор,
В слезах и с криком: «Мама!» —
Я побежал во двор.
Людей толпа стояла
У нашего двора,
А в центре — моя мама,
Едва-едва жива.
Среди толпы сидела,
Пог ней был табурет,

Рубцом горел на шее
От той верёвки след...
Рукой она прижала
Меня к своей груди,
А я всё плакал: «Мама!
Живи, не уходи!»
С соседкой мать судилась
Потом за клевету,
Тётъ Шуру обходил я,
Наверно, за версту.
Но с Игорем каталась
По рельсам ребяшня,
За поезда цепляясь, —
Втянули и меня.
Сидели на платформе
(Вёз поезд уголёк),
По окнам пассажирского
Швырять стал Игорёк:
По колее по встречной
Пока состав катил,
Тот изверг Игорёчек
Нещадно окна бил.
Про выходку такую
Я дома не сказал,
Но больше с той компанией
Вовеки не играл.
А Игорь очень скоро
До алкаша «дорос»,
И в драке откусил он
Соседу Сашке нос.
Хирург лоскут с предплечья
Тогда у Саши взял,
И «пипкой» волосатой
Он всех потом пугал.
На этом всё не кончилось
(Не знал сынок «табу») —
И откусил папаше
Он нижнюю губу...

Совсем другим парнишкой
Брат младший Лёвка был,
К нему учитель музыки
По вечерам ходил.
На лавку Лёвка сядет,
В руках — аккордеон,
И музыку прекрасную
Играть умеет он.
Звучали песни русские
И песни разных стран,
Он проникал нам в гушу,
Тот «Красный партизан».
Мелодия запомнилась
И нынче жжёт нутро
Той песни, что назвалась
«Испанским болеро».

В семнадцатую школу
Шагаю в первый класс,
Учитель Разуваева
Там обучала нас.
Сигели с Галей Власовой
За первым мы столом,
Кишки её от страха
«Сработали» притом.
Штанишки с экскрементами
Галиночка сняла,
Под стол училке бросила,
В слезах домой ушла.
Стояла школа айсбергом
Среди домов простых,
В три этажа, огромная,
Торчала среди них.
Учился в этой школе
Всего один сезон,
Потом в железнодорожную
Был я переведён.
Та школа в центре города
Скромнее уж была,

Подсобку магазина
Она лишь заняла.
Учёба мне давалась,
Учился я легко,
Однажды только, помню,
Попал я в «молоко»:
Был стих про Ваню задан,
Что звался «Сын полка»,
В нём я оговорился
Нечаянно слегка.
Всего две буквы в слове
Другие произнёс,
И смысл вдруг изменился,
И получил я «в нос»:
Тогда мне кол поставила
Классрук Шевардина...
И вдруг —
О смерти И. В. Сталина
Сообщает нам она!
Ребята все притихли,
Имея бледный вид,
Мы с Валечкой Бурдиновой
Заплакали навзрыг.
И плакала Валюша
В то время не огна:
Тогда, в день смерти Сталина,
Рыдала вся страна.
В то лето собирали
С дядь Борей колоски
На поле, где косили
Когда-то мужики.
Снопы связали бабы,
Потом их увезли,
Детишки собирали
Те колоски с земли.
И, о стерню колючую
Все ноги исколов,
Потом мы все ссавали
По «торбе» колосков.

На поле с Борей спорили
Про Сталина-«отца»,
И спорам этим не было
Ни края, ни конца.
«Он — вождь наш
и учитель», —
Я Боре говорил.
А Боря отвечал мне:
«Такэ вин наробыв...»
[«Такое он наделал...»]
Однажды тётя с дядей
Пришли к отцу опять,
Лист вырвав из тетради,
Просили написать:
«Я, истый комсомолец,
Вам подаю сигнал:
Товарищ вот такой-то
Себя здесь запятнал». —
«Но я не комсомолец!
Я только пионер!»
Тут Павлика Морозова
Мать привела в пример.
В те годы роковые
Откуда же мне знать,
Что детские каракули
Могли судьбу сломать?!
Судьбу я тех каракулей
Не знаю до сих пор:
Возможно, по ним вынесен
Суровый приговор.
С отцом на Красной площади
Ходили в Мавзолей,
Чтоб Ленина увидеть
(Лежит там много дней).
Он — роста небольшого,
Страдал от многих ран
(В упор в него стреляла
Эсэрочка Каплан).

Запомнил пальцы тонкие,
Под вид карандашей,
На пальцах — кожу нежную,
Как у сестры моей.
Лежал он навзничь на спине
И руки разметал,
Поверх груди лежала левая,
Вдоль тела — правую держал.
Лицо было спокойно,
Внутри светился свет —
Он этим светом озарил
Одну из всех планет.
Рукою точно указал
Он к коммунизму путь:
Людскую жадность не учёл —
Пришлось с пути свернуть...
Семь лет учился в школе,
Прожил пятнадцать лет,
Купили мне на горе
Тогда велосипед.
Кататься не умея,
Решил я пофорсить:
На улицу знакомую
Поехал «порулить».
Там, в небольшом домишке,
Девчоночка жила,
Читать любила книжки,
Красивая была...
Учились вместе в школе,
Седьмой кончали класс.
Пришла пора влюбляться,
Наверное, для нас.
Узка была шоссейка,
Шёл встречный грузовик,
А сзади — хлебовозка,
И ею был я сбит.
Упал с велосипеда
Лицом я на песок,

И по плечу проехало
Машины колесо.
Когда в ж.-д. больницу
Я вскорости попал,
То перелом лопатки
Рентген там показал.
Больных полно лежачих,
И лето на дворе,
За ними мне ухаживать
Пришлось, как медсестре.
А сердце вдруг заныло,
И твёрдо я решил:
«Лечить людей я буду!»
(На фельдшера в училище
Я вскоре поступил.)
И мамочка решила
Мой выбор поддержать:
«В халате будешь белом —
Какая благодать!
Супруге не придётся
„Мазутники“ стирать».
(Про низкую зарплату
Решила умолчать...)
Уехал в город Россошь,
Где бабушка жила,
Учился там три года —
Студента жизнь пришла.
Стипендию платили —
Хозяйке отдавал
За то, что в её хате
Тогда квартировал.
Картошки как-то папа
Доставил мне мешок,
Две сотни высылали:
Живи, учись, сынок!
Раз в день ходил обедать
Я в «Чайную» тогда,
Лимит был ограничен —
На три рубля еда.

Стояла бочка с пивом,
А в ней — торчал насос,
Буфетчица качала
Тут пиво «на разнос».
За пивом там давились
Мужчины целый день,
Они здесь «отдыхали»
И пили «гребедень».
Но пива мне не надо,
Не собирался пить,
Мне только нужно было
Обед свой оплатить.
К прилавку меня «вынесли»:
Скорее отвечай.
Буфетчице измученной кричу:
«Мне — борщ, котлета, чай!»
И, оплатив обед свой,
Я получил талон,
Теперь официантке
Понадобится он.
Пока она хлопочет,
Я за столом сижу,
Тарелка стоит с хлебом,
Я на него гляжу.
А рядом с той тарелкой
Для специй был прибор,
Там соль, горчица, перец —
О них и разговор.
Беру я хлеб с тарелки,
В горчицу обмакнул
И, вытирая слёзы,
Кусок тот навернул.
Официантка где-то
Замешкалась пока,
Я съел с горчицей хлеба,
Наверно, три куска.
За стол под села тётка
И тоже хлеб берёт,

Когда же я обедал,
То мне смотрела в рот:
«Картошку ты не будешь,
Наверно, доедать?»
Пришлось ей полгарнира
В тарелке оставлять.
В окно я вдруг увидел:
Лошадка там бежит,
Мальчишка-конькобежец
Уж на снегу лежит.
Катался, прицепившись
За сани, тот пацан —
Его завёл я в «Чайную»,
Проверил, нет ли ран.
Как позже оказалось,
Он руку поломал —
Его я в райбольнице
Потом уж повстречал.
На шине отводящей
Покоилась рука,
Я перелом не выявил —
Нет опыта пока.
Тот опыт негативный
Меня поднял с колен.
Уже тогда я понял,
Как нужен нам рентген.
Мне бабушка Аня
Учиться помогла,
Она в саманной хате
В Морозовке жила.
У стенки, ближе к печке, —
Железная кровать.
Когда я был студентом —
Пришлось там ночевать.
А ящик от снарядов
Нам был вместо стола.
Под образом Христовым
Лампадку бабка жгла.

К печному дымоходу
Приделан чугунок,
На улице для варки —
Железный таганок.
Топить же печку русскую
Бабуля не могла.
Зимой у бабки в кухне
Лишь козочка жила.
У бабушки ведь не было
Ни уголька, ни гров,
За лето мы набрали
Коровьих кизяков.
Ходили на ж.-д. линию
И брали между шпал
Кусочки антрацита,
С вагонов что упал.
Зимой порой от холода
Нам было не до сна,
Мы чугунок топили
Углём тем докрасна.
Початки кукурузные
Варили в чугуне,
Ах, как же вкусно было
И сытно было мне!
На повороте шляха
Стояла та изба,
Стояла одинокая,
Как бабушки судьба.
И, как у всех в деревне,
При хате — огород.
Кормил он нас отменно:
Тогда всё «лезло в рот».
Забора, правда, не было —
Никто не городил,
Тогда я пять акаций
У дома посадил.
Я часто поливал их
Колодезной водой —

Так хочется в деревню,
Так хочется домой...
Дожив до выходного,
Автобус оседлав,
На станцию я ехал,
Где ждал меня состав.
Всего две остановки
«Рабочий» поезд вёз,
Добраться же в деревню —
Всегда большой вопрос.
Мешал овраг огромный
В Морозовку пройти,
Когда была распутица —
Его не обойти.
Особо в понедельник
Страдали люди те,
Кто к поезду «рабочему»
Шагали в темноте.
Однажды в том овраге
В распутицу застрял,
Потом семь километров
По шпалам я шагал.
Наверно, поздно вышел
(Часов у бабки нет:
По гомону людскому
Она определяла,
Пора идти иль нет).
Купил бабуле ходики,
Повесил на стене,
Три года помогали
Они здесь выжить мне.
Потом с велосипеда
Я было фару снял
И людям в том овраге
Дорогу освещал.
В хорошую погоду
Проблем с поездкой нет:
Меня всегда доставит
Мой друг — велосипед.

На станции по ходу
Друзей я подбирал,
Сигел на раме Толик [Шевцов],
Василь [Гончаров] —
Багажник оседлал.
Учились в одной группе,
В Морозовку домой
Мы вместе добирались
Частенько в выходной.
Ах, молодость чудесная,
Всё было нипочём.
Тот Анатолий после
Военным стал врачом.
Василь попал на Север,
На скорой там служил
(Потом мы с ним встречались —
Он радио чинил).
Наука о лекарствах
[фармакология]
Мне тоже не далась,
Судьба моя врачебная
С рентгеном «обнялась».
Отец мой был «движенцем»,
Он поезда водил,
А я тут в медицину
Случайно угодил.
При виде механизмов
Дрожала вся гуша:
Ах, как же та машина
Прекрасна, хороша!
К автомобилю с детства
Имел я интерес,
Учили трактористов
Тогда для МТС
[машинно-тракторной станции].
Я к тем механизаторам
Заглядывал в окно,
Решил: «Освою технику
Когда-то всё равно!»

Пока что захотелось
Освоить аппарат,
Чтоб делать фотографии,
Чему был очень рад.
Студент наш, Коля Кравченко,
Уже имел такой,
Ночами с ним сидели
Мы с плёнкою простой.
Вот плёнку проявили,
Вставляем негатив,
Свет дал увеличитель —
Готов наш позитив!
Я Колю всё спрашивал:
«А сколько свет держать?»
А он ответил в шутку:
«Тут надо заспивать
[запеть песню]».
«А петь какую песню?» —
Я к Коле приставал.
«Раскинулось море широко», —
Мне Коля отвечал.
В словах смешливых Коли
Подвох не углядел,
Печатал фото вскоре
И во всё горло пел...
В кювете проявилась
Вдруг «мордочка» моя,
Потом, как свет включили,
Была черней угля!
«В чём дело?» — снова к Коле
С вопросом приставал.
А он: «Фиксаж неправильный, —
Охотно отвечал. —
В растворе вместо „гипо“
Обычный был сульфит,
Раствор он сохраняет,
Лишь „гипо“ — „загубит“.
В раствор он переносит
Остатки серебра,

Теперь нам „фотоморгочку“
Промыть уже пора».
Освоил фотодело,
В шестнадцать уже лет
Умел людей я «фотать»
В быту и на портрет.
Студенток-однокурсниц
Сначала я снимал,
Они рубли давали —
Охотно принимал!
А летом по деревням
Крутил велосипед,
Снимал бабулек с внуками —
Фотографов там нет.
С полсотни километров
Тогда я в день крутил,
Машину маме швейную
На выручку купил.
И эта специальность
Потом меня спасла:
Она семью кормила,
Когда беда пришла.
В тяжёлых девяностых
Здоровье потерял,
С работы сократили,
Сын в армию попал.
И жёнку сократили;
Со службы сын пришёл,
Однако как ни бегал —
Работы не нашёл.
Но я — предприниматель,
По фото взял патент,
Снимал в садах и школах
Почти что двадцать лет.

26 сентября 2020 — 20 марта 2022

Продолжение следует